

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОЛЬШЕВИКАМИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВЫБОРНОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ (20-Е ГГ. XX В.)

В течение 1920–1921 гг. на территории Восточной Сибири функционировали два варианта управления в рамках советской власти – революционные комитеты и советы. Власть ревкомов представляла собой строго централизованную систему государственного управления с военно-командными элементами. Деятельность ревкомов являлась для большевиков элементом стабилизации в освобожденных районах. Чрезвычайная обстановка послевоенного времени порождала необходимость экстраординарных мер. Ревкомы были призваны решить две стратегические задачи: 1) удержать власть, стабилизировать обстановку и начать восстановление разрушенного Гражданской войной хозяйства; 2) подготовить условия для проведения выборов в советы.

Несмотря на малую продолжительность деятельности Советов в «военно-коммунистической» обстановке, этот отрезок времени – после перехода власти от ревкомов к советам и до объявления нэпа – стал благоприятным плацдармом для развития командно-бюрократических методов в работе советов.

Избирательная система выступает исходным институтом народовласти и его органов, поэтому пришедший к власти класс стремился не допустить к выборам или ограничить участие в них противоположный класс. Однако именно «доля его участия определяет демократизм политической жизни общества» [1]. Доля граждан, отстраненных от участия в голосовании в 1920 г., по Енисейской губернии составила 2 %, по Иркутской – около 4 %. Более высокий процент отстраненных от участия в голосовании дали районы, где были подавлены выступления и мятежи, а также села с большой кулацкой прослойкой.

Путем лишения избирательных прав большевиками решались и некоторые специфические задачи. Так, в положение о выборах в Нижне-Удинский горсовет был включен пункт, по которому участие в выборах не принимали «служащие учреждений, не вступившие в профессиональный союз к моменту опубликования настоящего постановления» [2]. В списке лишенных права голоса по выборам в Слюдянский совет 18 октября 1920 г. можно прочесть: «торговец, жена торговца, мать торговца», «спекулянт, жена его» [3]. Как видим, запретительные меры в некоторых слу-

чаях распространялись и на членов семей лишенных избирательного права. С помощью дополнительной экономической эксплуатации «лишенцев» местные продорганы пытались решать свои проблемы. В ноябре 1920 г. инструктор Кузьмин из Минусинского уезда отправил телеграфом запрос: «Прошу сообщить немедленно, есть ли приказ: на лиц лишенных голоса, брать свыше государственной разверстки по одной скотине и пять фунтов масла. Это делается в Курагино» [4].

Выборы в советы в Восточной Сибири стали своего рода социологическим опросом по определению отношения электората к власти. Большевики понимали сложность послевоенной ситуации, поэтому в резолюции III Иркутской губернской партконференции 24 сентября 1920 г. отмечается, что коммунистам необходимо принять активное участие в предвыборной работе, «использовав предвыборную кампанию в направлении расслоения крестьян на бедноту и середняков, и с другой стороны – кулаков» [5]. В бюллетене № 48 Енисейского губревкома отмечалось, что все 35 партячеек в Канском уезде ведут «предвыборную агитацию и пропаганду как через избирательную комиссию, так и подотдел Увоенкомата» [6].

Советская власть, идя на открытые выборы, тем не менее, пыталась оградить себя от случайностей в их результатах. В соответствии с инструкцией по выборам сельсоветов и волисполкомов Енисейской губернии «все замеченные в злостной агитации против Советской власти и нарушающие порядок выборов подлежат аресту и преданию суду» [7]. С целью воздействия на волеизъявление избирателей в инструкциях закреплялась норма, по которой выборы проходили открытым голосованием.

Выборы сельских советов проходили в Енисейской губернии весной и летом 1920 г., в Иркутской губернии – осенью 1920 г. В них приняло участие около 25 % включенных в списки. Низкий процент участия сельских жителей в выборах объясняется рядом причин. Крестьяне, встретившие, в основной массе, восторженно Красную Армию и советскую власть, за несколько месяцев деятельности ревкомов увидели антидемократическую сущность этой власти. Практические результаты работы, наряду с общероссийской обстановкой, оказались безрадостными. Главная же причина – экономический гнет в виде продразверстки. Крестьяне были разочарованы в новой власти. Кроме того, затягивание в изменении экономической политики усугубляло раскол крестьянства и рабочего класса. Это заметно и по результатам выборов

1920 г. в Восточной Сибири. Рабочие продолжали голосовать за «свою власть», большинство же крестьян потеряло в нее веру.

На выборах в Слюдянский поселковый совет 18 октября 1920 г. при явке 82,4 % за список, предложенный ячейкой коммунистов, проголосовало 97,2 %. При выборах сельских советов таких безусловных побед не было нигде. На выборах Тельминского сельсовета 27 октября 1920 г. за список компартии проголосовало 42,8 % от принимавших участие в голосовании, или 10,75 от списочного состава, а за список от избирателей-крестьян – 54,5 % участников выборного собрания (13,6 % общего числа избирателей). В Тайтурский сельсовет были избраны депутаты из списка РКП(б) с минимальным перевесом: «за» – 44,8 %, «против» – 41,6 % [8].

По сведениям инструктора отдела управления Сибревкома С. И. Казачека, проводившего избирательную кампанию во втором районе Иркутского уезда, район включал 39 поселков, и «список комячейки нигде не был принят». Так, например, в селе Архиерейском Китойской инородческой волости поступило заявление о том, что надо избирать не только коммунистов, «ибо надо и другим маленько править государством, ибо коммунистов и так полно в каждом учреждении» [9]. На самом деле коммунистов в сельсоветах были считанные единицы. Так, в Енисейской губернии в 1920 г. в сельсоветы было избрано около 1 % коммунистов, в 1921 г. – 4,2 %, в 1922 г. – 7,2 %. Выше была доля большевиков в волостных исполкомах: в 1920 г. она составила 5,3 %, в 1921 г. – 34,4 %, в 1922 г. – 48,1 % [10].

Предвыборная кампания 1920 г. проходила в обстановке свободы высказывания мнений, но под негласным наблюдением органов ЧК, а также под контролем отделов управления ревкомов. Большевицкая партия не могла себе позволить выпустить из-под контроля формирование местных органов власти, поэтому выборы в советы были апробацией элементов политического манипулирования массами (деятельность инструкторов-агитаторов, проведение беспартийных конференций, формирование списков «лишенцев»).

Социально-психологические факторы при осуществлении своей деятельности в сибирской деревне слабо учитывались руководством восточносибирских ревкомов и исполкомов, хотя информация о настроениях крестьянства регулярно поступала в губревкомы и губисполкомы и была достаточно достоверной. Пункт о настроениях крестьян был включен в вопросник для обязательных ежемесячных и двухнедельных отчетов. Но анализа

поступающей информации не проводилось, отсутствуют какие-либо аналитические, или хотя бы обобщающие справки о социально-политическом положении в деревне.

Более пристально наблюдали за настроением населения чрезвычайные комиссии, но в их отчетах с мест фактический материал также преобладал над аналитическим. Это объяснялось неподготовленностью и малограмотностью кадров, отсутствием времени для аналитической работы, а также игнорированием социально-психологического аспекта функционирования власти.

Любой политический режим имеет двойственный характер. Он является демократическим для пришедшего к власти класса и тоталитарным – для всех прочих групп населения. В специфических условиях Советской России постепенно тоталитарное отношение к потерпевшему поражение классу стало распространяться и на основную массу рабочих и крестьян.

Одной из составляющих социально-психологической среды начала 20-х гг. являлось отсутствие устоявшейся демократической культуры, влияние консервативных политических традиций; с другой стороны, ощущалось влияние ультрареволюционных, уравнилельных настроений. Революционные комитеты и исполкомы советов Восточной Сибири в полной мере ощущали влияние этих факторов, превращаясь в командно-административный бастион, оказавший влияние на все последующие структуры власти.

Восстановление советской власти в Восточной Сибири сопровождалось идеологическим наступлением коммунистов на своих идеологических и политических противников. 8 января 1920 г. по приказу военного комиссара 30-й стрелковой дивизии Енисейской губернии был распущен комитет Сибирского союза социалистов-революционеров «впредь до выяснения его отношения к Советской власти». Был закрыт и внепартийный «Дом юношества», вместо него губернский комитет компартии 12 января 1920 г. решил «из сочувствующей молодежи создать Союз». В молодежный союз направлялись коммунисты для его организации и работы [11].

Председатель Иркутской губЧК М. Д. Бирман внимательно следил за деятельностью некоммунистических организаций. В политсводке от 13 июня 1921 г. он сообщает в Омск, что состоялось выступление меньшевиков и эсеров «под флагом “Блока беспартийных и социалистов”». Влияние комфракции почти незаметно. Среди анархистов – стремление к планомерной деятельности, организационной спайке» [12]. М. Д. Бирман докла-

дывал своему начальству 25 июля 1921 г.: «Операция по ликвидации анархистов, эсдеков, эсеров в Иркутске закончена. Всего в городе арестовано: эсеров – 19 (освобождено по подписке о невыезде – 6), эсдеков – 15 (3), анархистов – 11 (3)» [13].

Формирование системы политического контроля осуществлялось коммунистами, в том числе, и с помощью отстранения политических противников от средств информации, недопущения их в органы власти. На рабочей конференции г. Иркутска 19 мая 1920 г. председатель президиума Иркутского губкома РКП(б) М. Н. Рютин заявил: «У меньшевиков нет прямолинейности, определенности, у них во всем сумбур, косноязычие, кисельность, поэтому им и не дается такая дорогая штука как бумага». В докладе на этой же конференции М. Н. Рютин отмечал: «В то время как меньшевики против террора, коммунисты признают массовый террор. Как Маркс, так и Энгельс – сторонники террора. Маркс даже говорил, что во время коммуны рабочие слабо применяли террор, слишком миндальничали; они не отрицали также и смертной казни» [14]. По горькой иронии Истории, М. Н. Рютин был осужден 10 января 1937 г. по обвинению в терроризме...

Большевики стремились непосредственно перейти к социализму, игнорируя объективные условия. Это привело к свертыванию самоуправленческих институтов, разрастанию органов государственного принуждения, формированию системы политического контроля.

Примечания

1. Андреев С. С. Политический режим и политическая демократия // Соц.-полит. науки. 1992. № 2-3. С. 17.

2. ГАИО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 10. Л. 18.

3. ГАИО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 496. Л. 4.

4. КЦХИДНИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 135. Л. 20

5. ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

6. ГАКК. Ф. 53. Оп. 1. Д. 156. Л. 15.

7. ГАКК. Ф. 53. Оп. 1. Д. 156. Л. 6.

8. ГАИО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 498. Л. 4.

9. ГАИО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 493. Л. 2.

10. ГАКК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 71. Л. 27.

11. КЦХИДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 16.

12. ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 219. Л. 70.

13. ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 219. Л. 81.

14. ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 114. Л. 37 об.